

Т. В. Воробьева

**АЛЕУТЫ КОМАНДОРСКИХ ОСТРОВОВ:
ОТ РУССКОЙ АМЕРИКИ – К СОВРЕМЕННОСТИ**

Об алеутах Командорских островов, описание жизни и быта командорских алеутов, их переселение, промысловые экспедиции по добыче каланов, котиковый промысел на островах.

Ключевые слова: алеуты, Командорские острова, Русская Америка, промышленники, креолы, промыслы, советизация.

T. V. Vorobyeva

THE COMMANDER ALEUTS: FROM RUSSIAN AMERICA TO PRESENT

The Aleut of the Aleutian Islands, the history of the Commander Aleuts, their resettlement, fishing expeditions for the extraction of sea otters, fur seal fishing on the islands.

Keywords: the Aleut, the Commander Islands, Russian America, industrialists, creoles, crafts, sovietization.

Судьба командорских алеутов отразила в себе не только историю освоения Россией Северной Пацифики, но и трансформацию социально-экономического уклада этноса, оказавшегося между двух империй и пережившего стремительный переход от первобытности к социализму.

История командорских алеутов до продажи Русской Америки США в 1867 г. ничем не отличалась от истории остальных алеутов. В связи с чем мы обратимся к истокам.

Командорские острова, открытые Второй Камчатской экспедицией Витуса Беринга в 1741 г., в отличие от других остальных островов Алеутской гряды, не имели коренного населения. До середины XVIII в., когда на Алеутских островах появились первые русские путешественники и промышленники, существовало восемь групп (племен) алеутов, живших не менее чем в 160 поселках. Алеуты занимали всю гряду Алеутских островов – от острова Атту на западе до полуострова Аляска на востоке. Сведения по количеству алеутов значительно разнятся. Так, по данным Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого, в то время общая численность алеутов составляла не более 10 тыс. человек. За сорок лет, последовавших за обнаружением в 1741 г. экспедицией Витуса Беринга Алеутских островов, численность алеутов сократилась не менее чем в пять-шесть раз, примерно до полутора тысяч человек, а богатейшие природные ресурсы были в значительной степени разрушены. После образования в 1799 г. Российско-американской компании (далее – РАК) положение дел несколько улучшилось, однако и этот период также не способствовал восстановлению

численности населения, в первую очередь из-за эпидемий, различных завезенных в регион заболеваний и высокой детской смертности [7, с. 47; 29, с. 115–116; 37, с. 500].

Первую встречу команды Витуса Беринга с алеутами, произошедшую 4 сентября 1741 г., описал Георг Стеллер [23, с. 82]. Классический сюжет встречи, начавшейся с обмена дарами и завершившейся залпом из мушкетов офицеров «Святого Петра» поверх голов «американцев», пытавшихся удержать силой членов экипажа, высадившихся на острове [там же, с. 80]. Описание внешности и байдар алеутов сопровождается рисунком алеута в байдаре, которое приписывается Плениснеру [3, с. 117]. Очень кратко об этом событии пишет Свен Ваксель, датируя его 3 сентября [22, с. 461], а в монографии Лидии Блейк днем первой встречи указывается 5 сентября [36, р. 45]. Экипаж «Святого Павла» под командой Алексея Чирикова встретился с алеутами 9 сентября 1741 г. [31, с. 103], и обмен дарами прошел без происшествий.

Интересно повествование Василия Берха о первой встрече с алеутами острова Атту морехода М. В. Неводчикова, называвшего их дикими. Николай Чупров, участник промысловой экспедиции на шитике «Св. Евдокия» в 1745–1757 гг. [8, с. 594], после неудачного обмена с алеутами отправил служителя Беляева обойти остров. И «неизвестно, по буйству или необходимости вступил Беляев с островитянами в бой и... застрелил 15 островитян. Сражение произошло за женщин, которых Беляев хотел взять силою, и за железный болт, который не хотели возвратить ему», за что впоследствии все были преданы суду [4, с. 9]. Там же В. Н. Берх сообщает о том,

что, так как имущество, оставленное командой «Св. Петра» на острове, нещадно растаскивалось, Большерецкая канцелярия «воспретила кораблям приставать к Берингову острову» [там же, с. 17], однако вскоре стало почти традицией для купеческих судов зимовать на этом острове. В 1758 г. Андриян Толстых убедил жителей о. Атту платить в казну ясак [там же, с. 31].

Используя изначально подарки для поощрения ясачного промысла, в конце XVIII – начале XIX вв. на Алеутских островах и Южной Аляске русские сформировали весьма специфическую систему товарообмена с использованием принудительного труда и сдачей пушнины в обмен на традиционную туземную одежду и материал для обшивки байдарок с прибавкой. В случае успешного промысла, аборигены получали небольшое количество дополнительных товаров в виде бус, котелков, табака и тому подобных вещей [10, с. 71].

Самое полное описание алеутов мы встречаем в фундаментальном труде И. Е. Вениаминова, выдающегося православного миссионера, прибывшего на Аляску в 1823 г. и внесшего неопределимый вклад в развитие алеутской культуры [6]. Это важнейший источник, позволяющий понять, что представляли собой алеуты до прихода русских. Им же проведен анализ причин сокращения алеутского этноса: до прибытия русских алеуты погибали в междоусобицах, с приходом промышленников – от притеснений и новых болезней, в период РАК – от насильственных переселений [там же]. О негативном влиянии перемещения большого числа людей из одного этнического района в другой писала в своих исследованиях и отечественный этнограф Р. Ляпунова, считавшая, что на момент контакта с русскими население всего Алеутского архипелага от Атту до Шумагинских островов насчитывало максимум от 7 500 до 9 500 человек [17, с. 128].

Практика переселений, начатая независимыми шкиперами в конце 1770-х гг., была признана имперским правительством коварной и вредной для алеутов. Она была прямо запрещена приказом, изданным Охотским правительством для всех шкиперов и старшин командиром порта Г. К. Угрениным 15 июня 1787 г. Угренин направил манифест, адресованный алеутскому народу и его вождям, в котором информировал их об их правах, в частности, о праве оставаться в своих поселениях безнаказанными [там же, с. 130].

Р. Г. Ляпунова выделяет следующие периоды формирования социально-экономических

отношений между русскими промышленниками и алеутами:

I – с 1745 до начала 60-х гг.: контакты небольших русских промысловых партий с алеутами разных островов вплоть до п-ова Аляска с перспективой создания промысловых байдарочных партий из местного населения во главе с русскими байдарщиками;

II – 1764–1780 гг.: алеуты попадают в полную зависимость от базирующихся в основном на о. Уналашка компаний. Их развозят большими промысловыми байдарочными партиями вплоть до побережья Северной Америки;

III – 1784–1798 гг.: начало принципиально нового периода, связанного с созданием Г. И. Шелиховым постоянных русских поселений [19, с. 81].

Следует отметить, что в работах Р. Г. Ляпуновой [17; 18; 19] красной нитью проходит утверждение о гуманном характере российской колонизации. Но даже приводимые ею цитаты из записок Иннокентия Вениаминова опровергают эту позицию. Так, обращаясь к восстанию алеутов Лисьих островов 1743–1764 гг., когда были почти полностью уничтожены экипажи четырех купеческих судов, Р. Г. Ляпунова сообщает, что за этим последовали карательные рейды, уничтожавшие местных жителей целыми селениями [19, с. 73–84]. Побывавший в этом районе Г. А. Сарычев отмечал в своем путевом журнале: «Жителей на Четырехсопочных островах прежде было много, но ноне ничего нет» [6]. Глубокий анализ характера взаимоотношений русских колонизаторов и аборигенов Аляски дан в одноименной статье А. В. Гринева, рассмотревшего позитивные и негативные их проявления [11, с. 96–111], он отмечал, что царская администрация, руководствуясь именно фискальными и политическими соображениями, в соответствующих инструкциях регулярно обязывала проявлять лояльность к жителям Алеутских островов. Но так же, как это было в Сибири, где сборщики ясака, пренебрегая царскими указами о лояльности к инородцам, исходили из поговорки «Царь далеко, а Бог высоко» и применяли любые средства, вынуждая коренных жителей добывать пушнину, запреты руководства РАК и увещевания священнослужителей не ограждали алеутов от жестокой эксплуатации.

Ситуация с эпидемией оспы, охватившей Аляску в 1835–1839 гг., когда впервые была осуществлена попытка привить туземное население, по-разному оценивается современными исследователями. Так, А. В. Гринев согласен с

мнением Д. Е. Дюмона о том, что из-за дефекта вакцины врачи и фельдшеры РАК не столько предотвратили заболевание, сколько способствовали его распространению [11, с. 98]. Иной позиции придерживается Лидия Блейк, считая, что, несмотря на огромное число погибших от болезни, т. к. слишком велико было сопротивление туземцев вакцинации, «среди россиян и тех коренных жителей, которые были вакцинированы, смертность была почти нулевой. Поэтому, когда в начале 1860-х гг. еще одна пандемия оспы охватила североамериканский континент, Аляска спаслась благодаря вакцинации, проводимой сотрудниками компании, православным духовенством и прогрессивными старостами поселений» [33, р. 196]. Оба историка отмечают, что также предпринимались масштабные меры по контролю распространения венерических заболеваний, особенно сифилиса.

Исходя из экономических интересов, РАК серьезно изменила существовавшую иерархическую систему ранжирования алеутов, которая включала руководящую элиту тоэнов, знатных людей родственных групп, свободных простолюдинов и рабов, что соответствовало классовой стратификации. Тоэны имели власть только над своими калгами (рабами), а алеуты, не являвшиеся рабами, вполне могли покинуть тоэна и свое поселение [13, с. 92]. Компания ввела свою внутреннюю социальную классификацию: (русский) промышленник – креол – алеут. Эта классификация не столько отражала степень расовой «чистоты – смешанности», сколько приписывала различные социальные статусы, закрепляла за «рабочими» РАК их различные права и обязанности.

Таким образом, «алеутами» во времена РАК стали не только собственно алеуты (с исходным самоназванием унан'ас/унан'ан), жившие на Алеутских островах и на юго-западной оконечности полуострова Аляски, но и разнообразные группы коренного населения: современные тихоокеанские эскимосы (коняги и чугачи), небольшая часть эскимосов группы «центральный юпик», возможно, и другие. Несмотря на то, что научные классификации (в основе которых лежат, прежде всего, языковые данные) относят упомянутых конягов и чугачей к эскимосам, сами эти группы до сих пор настаивают на своей алеутской идентичности и используют при этом соответствующее самоназвание [5, с. 89]. Тем самым менялась структура коренных общин и на национальном, и на управленческом уровнях. Этим же объясняется то, что

количество алеутов, приводимое в различных источниках, расходится.

Выделение потомков русских и аборигенов в отдельную этническую и социальную группу – креолы, было сделано участниками первой кругосветной экспедиции под руководством И. Ф. Крузенштерна. Это было совершенно новое явление, ведь весь период движения российского населения на Восток был временем ассимиляции и взаимопроникновения различных этнических групп, и никакой границы между собой и коренными жителями сибиряки не ощущали. Офицеры императорского флота были далеки от того, что веками практиковали российские землепроходцы, создавая семьи с представительницами коренных народов. Для них аборигены могли быть «благородными дикарями» или «недостаточно развитыми человеческими существами». Как представители высшего просвещенного сословия, военные офицеры должны были заботиться об этих народах [38, р. 198], но никогда не считали их равными себе. В 1821 г. креолы были выведены в особое сословие, имевшее высокий социальный статус.

Наличие этой прослойки метисного населения, самостоятельной этнокультурной общности, сформировавшейся в результате процессов адаптации и ассимиляции, играло важную роль в жизни Русской Америки и деятельности РАК. Именно выходцы из этой группы населения пополняли собой ряды промышленных людей, мореходов, служащих контор РАК, священнослужителей. Ярким примером этому является семейство Кашеваровых, оставившее видный след в истории Русской Америки и Аляски [35, р. 151; 12, с. 80].

Несмотря на стремление РАК максимально использовать алеутов на промыслах, в некоторых районах Алеутского архипелага, в течение многих лет не посещаемых судами какой-либо компании, жизнь вернулась к чисто натуральному образу. Так было с алеутами, живущими на Крысьих островах, на Атке. Центральные и западные Алеутские и Командорские острова почти не получили внимания, поскольку в это время ими управляли из Охотска [33, р. 194].

Долгое время добычей зверя на Командорских островах занимались артели байдарщиков, но постоянных поселений там не создавали. Хотя, по оценке С. Б. Окуня, это было одно из самых старых поселений, созданных еще в период деятельности Шелехова [21, с. 54]. Первая попытка колонизовать острова была сделана в 1805 г. высадкой на остров Медный 10-ти

человек, а на остров Беринга – одного. Часть их умерла, а оставшиеся в живых в 1812 г. были вывезены обратно. В 1819 г. на островах было временное население, состоящее из 15 человек на острове Медном и 29 человек на Беринге, а в 1829 г. на обоих островах насчитывалось 110 человек [1]. Е. К. Суворов, не ссылаясь на источник, утверждает, что с 1819 г. на острове Беринга уже жило 30 человек: в бухте Старая Гавань, в окрестностях современного села Никольское и на реке Саранной, а на острове Медном – 15 на «Палате», вероятно, в окрестностях будущей деревни Глинки [28, с. 18].

В 1821 г. на Командорские острова прибыл первый управляющий, мещанин Иван Серебренников, но при нем ситуация не изменилась.

В 1825 г. РАК, желая ввести в промышленный оборот богатые, но редко посещаемые лежбища морских животных, а также, вероятно, в связи с опасениями потерять свои позиции после подписания в апреле 1824 г. Конвенции с Соединенными Штатами о разграничении территорий между государствами [21, с. 85], завезла на Командоры первую группу алеутов – 17 семей с байдарками на остров Беринга с острова Атту. В 1828 г. были переселены алеуты с близлежащих Лисьих островов на остров Медный. Алеутов завезли для ведения промысла каланов. В 1827 г. на острове Беринга уже проживали: 17 русских промышленников, 13 креолов, 24 алеута, 35 женщин-креолок и 21 алеутка [30]. В 1872 г. на Командоры переселили 30 человек с острова Атту. В 1888 г. 26 женщин и детей, ранее отправленных с Курильских островов в Петропавловск-Камчатский, переселили на остров Беринга. На Командорских островах алеуты жили двумя обособленными группами. Алеуты, происходившие с Атки и других Андреяновских островов, жили на острове Беринга. Алеуты с Атту – на острове Медном [15, с. 24]. Помимо этого, в числе переселенцев оказались эскимосы алютик (коняги и чугачи) и разнообразных метисы с примесью тлинкитской, якутской крови [28, с. 21].

Самые ранние командорские метрические ведомости датируются 1862 г., записи вел управляющий островами и одновременно староста беринговской часовни Федор Волокитин. С 1866 г. эта обязанность легла на управляющего Александра Грабежева, он же проводил перепись населения на 1 января 1867 и 1868 гг. (сохранились только таблицы по о. Медному). Масштабная ревизия проводилась в связи с ликвидацией Российско-американской компании. Наиболее

информативной является исповедная роспись прихожан, относившихся к Атхинской Николаевской церкви. Она охватывает острова Атту, Беринга, Медный, Шумшу и Симушир и датируется 1867 г. [27, с. 203].

В годы существования Российской империи происходила аккультурация переселенного народа, формирование на Командорских островах новой социокультурной общности из алеутов, русских, креолов и других переселенцев. В этот период алеуты поступали на службу в РАК, перенимали образцы европейской одежды, становились православными, получали образование в школах компании [14, с. 109].

Жизнь на новом месте была далеко не безоблачна. Алеуты жили скученно в юртах, процветали болезни, питались скудно. И как результат – высокая смертность. Каждый год с Алеутских островов проводились новые переселения алеутов, привозили эскимосов, из Сибири – русских, с Аляски – колошенских креолов. Но основной костяк составляли алеуты, вобравшие в себя другие национальности. Для преодоления последствий близкородственных браков, администрация островов отправляла холостых мужчин в Петропавловск за невестами. Европейцы и американцы, служившие на островах, добавляли жителям русской, американской, польской, латышской крови. Сформировался островной народ с преобладанием алеутских черт, но значительно отличающийся от тех жителей Алеутских островов, с которыми когда-то встретились участники Второй Камчатской экспедиции [24].

После упразднения РАК и продажи русских владений на американском континенте Соединенным Штатам в 1867 г., Командорские острова оказались единственной территорией Русской Америки, оставшейся в составе России. Сюда устремились любители легкой наживы. Русская администрация решила поправить пошатнувшиеся дела, сдав Командоры в аренду американскому торговому дому «Гутчинсон, Кооль и Ко» сроком на 20 лет. Новые хозяева, осмыслив печальный опыт своих предшественников, упорядочили и усовершенствовали котиковый промысел, чтобы выжать из него все возможное. Кроме того, они возобновили добычу каланов на острове Медном, где звери поселились после долгого перерыва в 1870 г., а также интенсифицировали промысел песцов [2, с. 8]. Поголовье морского зверя восстанавливалось, в этот период выросло благосостояние населения, и ещё в первую половину XX-го столетия

в семьях алеутов сохранялась память об этом периоде истории островов, как золотом веке Командор. Старожилы островов вспоминали, что до революции Командоры жили намного лучше и богаче Камчатки. На Медном до сих пор стоят мраморные надгробья [25]. В 1892 г. Командорские острова были отданы господам Гринвальду, Савичу, Прозорову и Лепешкину, образовавшим товарищество под фирмой «Русское товарищество котиковых промыслов», предложившее наиболее выгодные условия. В 1900 г. на смену этому товариществу явилось Камчатское торгово-промышленное общество.

В 1917 г. истечение срока контракта совпало со сменой власти в стране, и опекаемые администрацией рабочие фирмы Чурин и Ко опять превратились в свободных граждан. Командоры вскоре оказались в затяжном экономическом кризисе: по независящим от алеутов причинам, численность промысловых животных резко сократилась, ситуация усугублялась набегами японских браконьеров, защищать от которых лежбища приходилось с оружием в руках. В зиму 1920–1921 гг. Командоры остались без топлива и товаров первой необходимости. Алеуты вымирали в прямом смысле этого слова. Чтобы выжить и прокормить семьи, главам семейств пришлось вести нелегальную торговлю с американскими коммерсантами – менять шкуры на продукты питания. Тогда в глазах чиновников «незаменимые промысловики» стали превращаться в «лодырей» и «пьяниц» [25]. К этой дурной привычке пристрастили алеутов первые промышленники – и русские, и американцы. До их прихода алеуты были равнодушны к алкоголю [9, с. 131–141]. Результатом стало заявление, написанное командорскими алеутами летом 1922 г., переданное ассистенту Вашингтонского Национального музея д-ру Стейнегеру. Алеуты просили Америку принять их под свое покровительство и снабжать острова всем необходимым. Стейнегер отказался принять заявление, оно впоследствии было уничтожено самими писавшими его лицами, боявшимися репрессий. Проамериканские настроения на острове стали утихать после улучшения материального положения [26, с. 232–248]. К моменту окончательного установления на Командорах Советской власти в 1923 г. основные отрасли пушного хозяйства были окончательно разорены. В 1930-х гг. на Командорах создается система островного звероводства, основанная на селективном промысле песцов в сочетании с их регулярной подкормкой.

Краткий очерк событий этого периода дан В. К. Арсеньевым, побывавшим на Командорах в 1923 г. По его данным, на конец 1923 г. на острове Беринга числилось 204 аборигена обоего пола, на Медном – 160 [1]. Он также отмечает пагубное влияние визитов японских и американских судов, завозивших на острова спирт: «Пьянство, разврат, поножовщина и драки продолжают столько времени, сколько стоит судно, а после его ухода начинаются “всякие заболевания”. Сифилис с туберкулёзом – бич тогдашнего населения» [там же]. Несмотря на существование школ на обоих островах, алеутские дети, не без влияния взрослых, враждебно настроены к приезжим. Это было связано с сохранившимся обычаем обмена детьми, их дарения одиноким и бездетным. Детям ведомы такие радости и забавы, какие им не следовало бы знать, даже будучи взрослыми: варка «зюйды» – браги, или устройство в чужой дом тряпичной куклы. По наблюдениям жены начальника Командоров, учительницы Колтановской, о преподавании даже начального школьного курса алеутским детям по общепринятой схеме не могло быть и речи [20, с. 259–260].

В 1928 г. Алеуты Командорских островов были объединены в Алеутский островной туземный район, организован туземный районный исполнительный комитет. Сам район в 1928 г. иногда называли Командорско-Алеутским или Алеутским на Командорах.

После Приполярной переписи 1926–1927 гг. Командорские алеуты были окончательно отделены от алеутов США надежной границей.

С 1935 г. начался прирост численности населения, но многие из алеутов оседали на материке. Наряду с традиционными видами хозяйства, стали развиваться новые отрасли – звероводство, животноводство и огородничество. Жизнь алеутов вошла в ритм жизни советских людей. Школьники села Никольского острова Беринга изучают родной язык. В конце 1960-х гг. открыт Алеутский народный музей, в 1994 г. – фольклорный ансамбль. На русском языке выходят газеты «Алеутская звезда» и «Абориген Камчатки». Передачи ГТРК «Камчатка» систематически рассказывают о деятельности общины алеутов, о народных праздниках, обрядах и обычаях аборигенов.

Во времена СССР Командорские острова были закрыты, как и вся Камчатская область, на территорию которой не допускались иностранцы. Но жизнь алеутов шла в соответствии с пятилетними планами страны. В 1991 г. Камчатскую

область открыли, и впервые после 1927 г. состоялась встреча алеутов Командорских островов и алеутов США. «Мы больше никогда не будем разлучены, даже если начнется очередная холодная война. Теперь мы всегда будем вместе!» –

заявила Марти Нортон Мюррей, член городского совета Уналашки, возглавлявшая делегацию алеутов США [38, р. 38]. Но это уже начало следующего, постсоветского этапа жизни командорских алеутов.

1. *Арсеньев В. К.* Командорские острова в 1923 году // Рыбные и пушные богатства Дальнего Востока. Владивосток. 1923. URL: <https://philyuchkoff.livejournal.com/173733.html>
2. *Артюхин Ю. Б.* Командорские острова. Петропавловск-Камчатский : Новая кн., 2005. 70 с.
3. *Березницкий С. В.* Фридрих Плениснер и его вклад в Российскую науку XVIII века. СПб. : Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2020. 384 с. (Kunstkamera Petropolitana).
4. *Берх В. Н.* Хронологическая история открытия Алеутских островов или Подвиги российского купечества. С присовокуплением Исторического известия о меховой торговле. СПб. : Тип. Н. Греча, 1823. 172 с.
5. *Вахтин Н. Б., Головкин Е. В.* «Разве мы виноваты, что так пишемся?» Смешанные этнические общности северо-востока Сибири в официальных классификациях // *Studia Ethnologica. Труды факультета этнологии.* СПб., 2004. Вып. 2. С. 61–97.
6. *Вениаминов И. Е.* Записки об островах Уналашкинского отдела. СПб., 1840. Ч. II. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Innokentij_Moskovskij/tvorenija-innokentija-mitropolita-moskovskogo-kniga-tretija/2
7. Алеуты. Каталог коллекций Кунсткамеры / авт.-сост. С. А. Корсун. СПб. : Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2014. 384 с.
8. *Гринев А. В.* Кто есть кто в истории Русской Америки : энцикл. словарь-справ. М. : Academia, 2009. 671 с.
9. Он же. Проблема распространения пьянства среди туземцев Русской Америки // *Этнографическое обозрение.* 2010. № 1. С. 131–141.
10. Он же. Специфика товарообмена русских с туземцами Аляски в 1741–1867 гг. // *Антропологический форум.* 2016. № 29. С. 66–95.
11. Он же. Характер взаимоотношений русских колонизаторов и аборигенов Аляски // *Вопросы истории.* 2003. № 8. С. 96–111.
12. *Зорин А. В.* Креолы Кашеваровы: двести лет истории рода // *Американистика: актуальные подходы и современные исследования.* 2020. № 12. С. 80–92.
13. *Картавцев К. С.* Механизмы социального контроля у алеутов // *Вестник Томского государственного университета.* 2017. № 422. С. 91–95.
14. Он же. Функции неотрадиционализма командорских алеутов в XXI в. // *Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН.* 2020. № 3. Т. 28. С. 108–122.
15. Алеуты. Каталог коллекций Кунсткамеры... С. 24.
16. *Корсун С. А.* Материалы экспедиционных исследований по алеутам Командорских островов в архиве МАЭ // «О Камчатке и странах, которые в соседстве с нею находятся...» : материалы XXVIII Крашенинник. чтений. Петропавловск-Камчатский, 2011. С. 115–120.
17. *Ляпунова Р. Г.* Алеуты. Очерки этнической истории. Л. : Наука, 1987. 226 с.
18. *Она же.* Очерки по этнографии алеутов. Л. : Наука, 1975. 204 с.
19. *Она же.* Этнокультурные контакты русских с алеутами и тихоокеанскими эскимосами в XVIII–XIX вв. // *Америка после Колумба: взаимодействие двух миров.* М., 1992. С. 73–84.
20. *Николаев А. С. В. К.* Арсеньев о Командорских островах // *На перекрестке континентов : материалы XXXI Крашенинник. чтений.* Петропавловск-Камчатский, 2014. С. 258–261.
21. *Окунь С. Б.* Российско-американская компания. М. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1939. 258 с.
22. *Стеллер Г. В.* Описание земли Камчатки ; *Ваксель С.* Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. Петропавловск-Камчатский : Новая кн., 2011. 571 с.
23. *Стеллер Г. В.* Описание плавания из Петропавловска к Западному побережью Америки, а также происшествий, имевших место на обратном пути ; *Шумилов А. В.* «Самая дальняя и трудная, и прежде никогда не бывалая» // *Последняя экспедиция Витуса Беринга.* М., 1992. 190 с.
24. *Татаренкова Н. А.* К вопросу об истории заселения Командорских островов / ФГУ Государственный природный биосферный заповедник «Командорский» имени С. В. Мараква. URL: <http://www.debri-dv.ru/article/4335>
25. *Татаренкова Н. А.* «Никто не поймет страданий моего народа» // *Абориген Камчатки.* Петропавловск-Камчатский, 2017. 10 окт.
26. Она же. Алеутский район: история административного устройства и геральдической символики // *Люди великого долга : материалы XXVI Крашенинник. чтений.* Петропавловск-Камчатский, 2009. С. 232–248.

27. Она же. Генеалогия и биографии командорских алеутов // «Гордиться славою своих предков...» : материалы XXXVI Крашенинник. чтений. Петропавловск-Камчатский, 2020. С. 200–206.
28. Она же. Топонимы Командорских островов. М. : Изд-во Центра охраны дикой природы, 2018. 208 с.
29. Федорова С. Русская Америка: от первых поселений до продажи Аляски. Конец XVIII века – 1867. М. : ЛомоносовЪ, 2011. 264 с.
30. Фомина Н. С. История хозяйственной деятельности человека на Командорских островах. Командорский зверозавод. URL: <http://bering-museum.ru/istoriya-hozyajstvennoj-deyatelnosti-cheloveka-na-komandorskih-ostrovah-komandorskij-zverozavod/>
31. Шопотов К. А. Великий русский мореплаватель Алексей Чириков. СПб. : ГеоГраф, 2005. 160 с.
32. Шумилов А. В. «Самая дальняя и трудная, и прежде никогда не бывалая» // Последняя экспедиция Витуса Беринга. М., 1992. С. 5–45.
33. Black L. T. Russians in Alaska, 1732–1867. University of Alaska Press Fairbanks, 2004. 328 p.
34. Она же. Creoles in Russian America // *Pacifica : A Journal of Pacific and Russian Studies*. 1990. Vol. 2. No 2 (Russian America: The Forgotten Frontier). P. 142–155.
35. Она же. Russians in Alaska, 1732–1867. University of Alaska Press Fairbanks, 2004. 328 p.
36. Frohlich B., Hunt D. R., Birna J. Aleut Mortuary Practices. Re-Interpretation of Established Aleut Burial Customs // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: История. 2019. Т. 64. Вып. 2. С. 499–524.
37. Shute N. From Unalaska to Petropavlovsk: warm welcomes amid geysers and snow // *Smithsonian*. 1991. August. P. 38.
38. Vinkovetsky I. Circumnavigation, Empire, Modernity, Race: The Impact of Round-the-World Voyages on Russia's Imperial Consciousness // *Ab Imperio*. 1-2/2001. P. 191–209.